Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Мама. Глава 5

Женя рыдал, закрывшись в комнате. Самые худшие опасения сбылись: он не смог войти в женщину. Она лежала под ним, сгорая от страсти, просила, чтобы он вошёл в неё, ждала, что он удовлетворит её женское естество. Вместо этого он поступил как тряпка: болтался над ней, тёрся отсутствующей эрекцией, пенис даже в размере не увеличилась, что уж говорить о твёрдости.

— В первый раз всегда тяжело, — успокаивала Мария Дмитриевна. — К тому же, ты быстро сдался. Надо не спешить, пробовать ещё и тогда обязательно получится.

И потом:

— Ты испугался, такое часто бывает. Когда человек волнуется, ему ничего не хочется.

Марина сильно переживала за сына, боялась, что он может сдаться, перестать бороться.

«Страшнее всего психологическое бессилие, а не физическое», — сокрушалась она.

Уже на следующий день после неудачного опыта она заказала в секс-шопе маленький стрэпон. Игрушечный член размером с указательный палец. Он был без яичек и выглядел очень натурально. В ожидании подарка Марина настраивала сына на победу:

— Мне очень понравилось, было так приятно!

Все последующие дни тётя Мария часто целовала Женины руки, водила ладони сына по своим грудям, опускала их вниз к возбуждённому влагалищу. Женя робел перед раскрепощённой взрослой женщиной, так откровенно текущей перед ним. Он засовывал руку в трусики, щупал там раскрытые половые губы, треугольную складку выпирающего клитора. Марина останавливала его пальчики на круглом бугорке, придавливала их. Её глаза томно закрывались, язык облизывал пересохшие губы, мама Мария равномерно покачивала тазом навстречу пальчику. Её бёдра под талией расползались в стороны, она вся, сидя на стуле с раздвинутыми ногами, с запущенной рукой сына в шортики, дрожала, страстно постанывая, умоляя продолжать. Женя заворожённо следил за реакцией большой тёти на прикосновения, ему казалось, что ласки рукой вызывают у неё не меньшее удовольствие, чем вызвал бы член. Она просила глубже: протолкнуть пальчик в мокрую дырочку, которая почему-то находилась в самом низу. Женя сгибал средний пальчик, вводил его в горячую щель. Так он становился ближе, пытаясь представить, что вместо пальчика член. Тётя Мария дрожала, хватала воздух ртом, сжимала руку сына между ног, покрывала его шею поцелуями, стремясь дотянуться до рта.

Через два дня доставили посылку. Марина, изучив содержимое, спрятала пакет у себя под кроватью до следующего раза. Нелегко было раздеть маленького героя и заманить его на кровать. После неудачи он стал пуглив, хоть и проявлял интерес. В его пассивности она чувствовала и свою вину. Ведь она слишком настойчиво вела себя по всем меркам. В любой нормальной ситуации мужчина должен добиваться женского внимания, а не наоборот. И тогда она решилась на маленькую хитрость.

— Ты совсем меня не любишь! — пожаловалась она однажды, лёжа на диване в зале, надув губки.

— Это не правда, — Женя удивлённо улыбался.

— Тогда почему ты меня не целуешь? — продолжила Мария.

— Ну хочешь, давай сейчас поцелуемся.
— Нет, уже не хочу, — Марина продолжила притворно обижаться, провоцируя сына.
Он задумался. Возможно, действительно стоит проявлять больше внимания к тёте Марии. Иначе можно потерять её расположение и тогда вернётся мама.
В следующий раз, обняв её сзади, он ласково зашептал в ушко:
— Я люблю только тебя и всегда буду любить! — он хотел, чтобы она не боялась, что он может бросить её.
Его рука нашла её грудь, спустилась по животу к шортикам, знакомым движением расстегнула пуговку, ширинку. Мамины чёрные кружевные трусики встретили его слабой резиночкой, хорошо знакомой. Пальчики скользнули по жёстким волосикам на лобке, приблизились к заветной складочке.
— Ты меня правда любишь? — зашептала тётя Мария, выгибая спину.
— Да! — Женя восторженно продавливал средний пальчик в складочку клитора.
— Тогда сделай для меня ещё кое-что, — она гладила его руку, раздвигая и сжимая коленки.
— Что? — шептал он, продолжая ласкать её мокрую большую писю.
Она опустилась на коленки, достала стрэпон из-под кровати.
— Давай ты попробуешь сначала с таким членом, а потом, когда возбудишься, попробуешь по-настоящему.
Женя рассматривал маленький твёрдый член, очень похожий на его собственный, удивлялся в душе, что мама не выбрала огромного монстра. Стянув с себя джинсы с трусами, он долго возился с ремешками, затягивая их на бёдрах. Его новый твёрдый пенис торчал как флажок на твёрдой основе. Главное — стрэпон не опускался, не ломался. Он был жёстким, натуральным, красивым. Мама уже скинула с себя шортики с трусиками. Она лежала перед ним, сведя коленки, поглаживая себя по бёдрам. Он закончил и остался стоять перед ней с маленьким твёрдым стрэпончиком.
— М-м-м! — довольно промурлыкала мама, встав на коленки, присосавшись к пластмассовому члену. Оторвавшись, она добавила: — Такой вкусный.
Затем увлекла сына за собой и, раздвинув под ним бёдра, заёрзала попой на диване в ожидании проникновения.
От волнения у Жени перехватило дыхание. Его собственный пенис лежал под плотной пластиной стрэпона, его новый искусственный член смотрел чётко во влагалище мамы. Женя приблизился, нащупал вход и медленно продавил путь внутрь, погружаясь до конца. Когда он вошёл, Мария под ним блаженно вздохнула, выгнула спину, схватив себя за груди. Она сдавила его бёдрами, сцепив щиколотки за спиной, прижала к себе. Руками она обхватила Женины плечи, спустилась по спине к ягодицам. Её острые ногти процарапали путь наверх и впились ему в лопатки.
— Да, мой милый, — шептала она, прикрывая веки. — Не останавливайся.
Мягким придавливанием она пригласила его к действию. Он слегка вышел и вновь погрузился, втянутый ногами, распластавшись на широком лоне матери, головой погрузившись в мягкие сферы грудей.
Он никогда не забудет ощущение эйфории от обладания женщиной. Пускай и понарошку. Он всё равно почувствовал себя в тот момент чуточку мужчиной. Начал бить её бёдрами, как актёры делают это в кино, но мама под ним остановила его руками, придержав за попу.
— Не спеши, мой маленький, — попросила она.

Она улыбалась, рассматривая женственное лицо сына, который действовал неумело.
«Он ведь ничего не чувствует!»
Она расцепила щиколотки, раздвинула ноги пошире, давая сыну простор для движения. Одну руку она протянула вниз, нашла клитор, сдавила его двумя пальцами, притирая средним сверху. Другой она обхватила сына за плечо, приглашая его ускориться.
— Да, вот так! — Марина возбуждённо подгоняла сына завершить начатое. — Боже, как приятно, — она расслабилась, окончательно улетела, удовольствие затмило ей разум.
Она двигалась навстречу оргазму, как гибкая кошка — выгнув спину и вытянув пальчики ступней.
Этот нежный милый секс даже близко не был похож на секс с Михаилом или другими мужчинами, которые у неё были. Ведь Женя ничего не чувствует, думала она, действует инстинктивно, желая доставить ей удовольствие. Этот оргазм будет приятен вдвойне, потому что маленький герой не знает пощады, старается изо всех сил. Он, как маленькая лезбияночка, долбит её целенаправленно, и она сдаётся, растекается под Женей светлым счастьем, неподдельными стонами, награждая сына страстными поцелуями.
Это оргазм её души — её истерзанной, незавершённой души, которая просит избавления от вины, и её мальчик разрешил ей испытать счастье. Он освободил её от вечной необходимости отчитываться перед удовольствием.
Теперь она не уступит его другим женщинам. Её мальчик всегда будет частичкой её души, будет любить её не только как маму, но и как женщину, которую приручил. Марина обучит его тонкостям любви, подготовит ко взрослой жизни. В мужской роли у него пока что слабо получается, но главное в этом деле не сдаваться. Он должен оставаться счастливым, занимаясь сексом. Только так он сможет быть счастливым. *** Женя, не смотря на относительный успех с тётей Марией, погрузился в новый виток душевных терзаний. Ситуация со стрэпоном только указала ему на невозможность удовлетворить девушку самостоятельно. — Помнишь, я ударился в детстве? — спросил он Марину через пару дней после фиктивного акта любви. — А потом в больнице лежал. Как думаешь, может, у меня эрекции нет из-за того, что случилось?
Марина насторожилась, подошла к сыну, обняла его, поцеловала в губы. В голове испуганные мысли, как тараканы, разбежались во все стороны.
— Есть разные причины. Физиологические и психические, — оторвавшись от губ, медленно произнесла она, внимательно вглядываясь Жене в глаза, выискивая там обвинение в свой адрес. — Чаще всего это происходит потому, что мужчина боится, что не справится.
Женя напряжённо думал. Его блуждающий взгляд нашёл глаза мамы:
— А какой врач может сказать, почему у меня яички не опустились? — спросил он.
Марина судорожно сглотнула.
— Уролог. Если хочешь, давай сходим проверимся, — добавила она, поглаживая сына по щеке.
— Хочу, — ответил Женя.
Желание быть здоровым побороло в нём страх стеснения. Он надеялся узнать правду про яички, про длину члена, эрекцию. Ему хотелось понять, что с ним не так, почему он возбуждается, но эрекция не наступает.
Марина записала Женю на приём к урологу в частной клинике, которая находилась недалеко от дома. Но сначала она решила навестить Геннадия Викторовича — так звали врача, — чтобы

обсудить с ним кое-какие вопросы о неопустившихся яичках.
Врач оказался высоким пожилым мужчиной, почти лысым, плотно сложенным. Было что-то абхазское в его внешности: огромный нос картошкой, узкие губы, мохнатые брови с налётом седины, торчали в разные стороны, как у совы, добрые чёрные глаза с огромными мешками не моргая смотрели на неё, гусиные лапки по бокам, складки на щеках вселяли надежду на благополучный исход. Не смотря на все атрибуты старости, доктор выглядел, как огурчик.

Марина встретилась с ним после непродолжительного общения по телефону. В кабинете Геннадия Викторовича смотровая ширма напомнила ей о том, чем занимается врач.
— Мой сын потерял оба яичка в детстве в результате травмы, — начала она, когда все формальности были соблюдены. — По моей вине, — добавила она, виновато опустив глаза в стол. — Но он не знает об этом, и я хочу, чтобы никогда не узнал, — она бросила пристальный взгляд на доктора, руки нервно мяли сумочку. — Вы меня понимаете?
Геннадий Викторович удивлённо повёл совиными бровями:
— Не совсем, — он снял очки и положил их на стол. Толстые пальцы начали усиленно массировать краешки глаз. — Вы хотите, чтобы я скрыл факт отсутствия у него яичек? — сложив пальцы в замок, он опустился назад на стуле, запрокинув руки на затылок.
Марина оставалась тонким психологом: следила за каждым жестом врача, понимая, как легко она может навредить делу.
— Геннадий Викторович, — она тяжело вздохнула. — Я единственный человек, кому он пока что доверяет. Если он поймёт, что я виновата в том, что случилось, то просто не захочет меня больше видеть, — Марина с надеждой вглядывалась в задумчивые глаза доктора. — У него ведь никого не останется, кроме меня, — она готова была расплакаться, держалась на волоске. — Поэтому я и прошу вас сказать ему, что яички не опустились и никогда не опустятся. Чтобы он не волновался и жил как прежде. У него слабая потенция, — Марина запнулась, кровь прихлынула к лицу, но отступать было поздно. — Он мне сам об этом сказал. Если он не сможет заниматься сексом, может быть, вы посоветуете ему использовать специальные приспособления, — Марина заулыбалась, ловя на себе любопытный взгляд доктора.
Но отступать действительно было некуда, все карты она выложила. Теперь оставалось слово за доктором.
— Ну хорошо, — он причмокнул губами, по-деловому опустив локти на стол, взялся зачем-то за ручку. — Допустим я скажу ему, что яички не опустились, но он ведь всё равно узнает об этом, когда захочет завести детей, — врач смотрел на Марину доброжелательным непроницаемым взглядом, доводя до неё простую истину: правду нельзя скрыть.
— Я понимаю, — Марина кивнула, помолчала, прежде чем тихо добавить: — Я сама ему скажу, когда придёт время.
Геннадий Викторович не выразил явного согласия. У него был большой жизненный опыт, чтобы понимать, какой скандал может разразиться, если ведущего специалиста изобличат во лжи. Он посочувствовал молодой красивой маме, проводил её к выходу, уверив, что «всё будет хорошо». Женщина с яркими шоколадными глазами, стильно одетая, в обтягивающих джинсах и жёлтой кофточке, психолог, вызвала в нём смешанные отеческие чувства. Он смотрел, как колышатся её груди под кофточкой, пока она заполняла квитанцию к оплате, склонившись над стойкой в приёмной, отведя длинные волосы за плечо, как играют напряжённые ягодицы её попы, приподнятые на красных шпильках как минимум

сантиметров на десять, как дрожат её пальцы, не смотря на внешнее спокойствие, как она улыбается через силу, и всё в этой женщине очаровывало его — её откровенность, отчаяние, любовь к сыну, вина.

Геннадий Викторович впервые в жизни всерьёз задумался о врачебной этике, об отношениях между пациентом и врачом, об основном принципе, ведущем его по жизни — «не навреди».
И усомнился. ***
Женя стеснялся мамы, робел перед врачом. Марина заскочила в кабинет вместе с ним, и теперь Женя всеми силами пытался выставить её за дверь.
— Подожди, пожалуйста, снаружи, — раздражённо шепнул он.
Марина, разрываясь на части между желанием присутствовать и стремлением угодить сыну, нехотя покинула кабинет, многозначительно кивнув Геннадию Викторовичу.
— Ну-с, молодой человек. Рассказывайте, что у вас случилось, — сказал врач, когда мама скрылась за дверью.
Женя растерялся, он не так представлял себе разговор с врачом.
— Ничего не случилось, — пробормотал он, опустив глаза. Его губы невольно задрожали.
Геннадий Викторович вздохнул, выжидательно улыбнулся:
— Ну что-то же тебя беспокоит? — сказал он мягким доверительным тоном.
Женя взглянул на врача:
— У меня слабая эрекция, — тихо вымолвил он. — И яички, — спохватился Женя. — Кажется, они не опустились.
— Ну что ж, давай посмотрим, — врач понимающе кивнул, встал из-за стола и первым прошёл за ширму.
Расстёгивая ремень, Женя внезапно ощутил прилив крови к лицу. Ему стало невероятно стыдно, что незнакомый человек увидит его пенис. Женя усилием воли стянул трусы и остался стоять с крошечным втянутым хвостиком, который смешно топорщился на покатом лобке.
— М-да-а, — Геннадий Викторович, видавший виды, пришёл в замешательство. — Если позволишь, я хотел бы пощупать мошонку.
Женя кивнул, с замиранием сердца приготовился к худшему. Твёрдые грубые пальцы проникли в мягкие ткани под пенисом, стянули крайнюю плоть, открыв бледно-фиолетовую головку.
— М-да-а, — второй раз задумчиво протянул доктор. — Двусторонний крипторхизм.
— Что это значит? — с надеждой ухватился за соломинку Женя.
— Это значит врождённая аномалия.
Они закончили осмотр, вернулись к столу. Женя смотрел на врача, как утопающий, который хватается за протянутый круг. Так ему хотелось услышать хоть какое-то обнадёживающее слово.
— Размер пениса, как ты сам видишь, недостаточный для полноценного полового акта, — начал Геннадий Викторович, снимая очки, потирая их носовым платком. Врач словно извинялся, избегая прямого взгляда, встреч с глазами пациента. — Но это ещё пол-беды. Из-за врождённой аномалии у тебя нет эрекции и не будет. Это тот редкий случай, когда физиологические особенности развития организма вызвали импотенцию. Я бы посоветовал тебе научиться пользоваться вспомогательными средствами для стимуляции женских

половых органов, — врач откашлялся. — Когда наступит такая необходимость. — Он на секунду замолчал, но потом продолжил: — У тебя не опустились сразу два яичка, такое редко, но случается. Обычно, когда не опускается одно яичко... Женя нервно сглотнул, кабинет врача поплыл перед глазами. Не дождавшись конца объяснений, он поднялся и с затуманенным взглядом направился к выходу. Чувство утраты самого дорогого, что у него оставалось, — надежды — целиком поглотило его. Он шёл, не разбирая пути, не обращая внимания на маму, которая говорила что-то, придерживая его за руку, озабоченно вглядываясь в лицо. Ему было всё равно, что она говорит, что спрашивает, ему хотелось поскорее прийти домой и умереть.

Марина усадила сына в кресло возле кабинета и, зайдя на секунду в кабинет, гневно спросила:

— Что вы ему сказали?

— Правду, — ответил Геннадий Викторович, скрестив руки на животе. — Ваш сын — импотент, вы можете попробовать виагру, эрекционные кольца, но не стоит ожидать чуда. Он всё равно останется инвалидом, и вы сами знаете почему, — он бросил на неё острый взгляд, который сразу успокоил её, привёл в чувство.

Она прикрыла дверь, взяла сына за руку, тот сидел достаточно близко к двери, чтобы слышать слова доктора. Ничего не сказав, она вела его к выходу.

Женя в этот момент переживал услышанное, которые, как ножом, резанули по сердцу:

«Импотент! Импотент!» — повторял он про себя как заведённый.

Дома эти слова превратились в мантру. Мама не оставляла сына ни на секунду, отказывалась уходить из комнаты. Сначала он гнал её прочь, потом просто зарылся с головой в одеяло и подушку. Ревел, как ненормальный. Она прижималась к его спине грудью, долго гладила по плечу, целовала в шею и ласково шептала в ушко:

— Женечка, миленький, мы что-нибудь придумаем. Это ведь не конец света. Всё будет хорошо, я тебе обещаю.

Она сама не понимала, как может обещать ему что-либо, но постепенно её слова находили отклик. Женя привыкал, смирялся с новой мыслью — его половое бессилие неизлечимо, он никогда не сможет удовлетворить женщину. Он — импотент. *** Страдания сына вновь подстегнули Марину к активным действиям. Следуя совету врача, она купила виагру, резиновое эрекционное кольцо. Оставалось соблазнить Женю на новую попытку.

— Есть ещё одно средство, которое стоит попробовать, — Марина, как всегда, гладила сына по груди, зайдя сзади, целовала его в маковку, наслаждаясь фруктовым запахом волос. — Оно поможет тебе возбудиться и сохранить твёрдость.

Женя накрыл руку матери, скользящую вниз, остановил её. Как часто эта рука спускалась по животу, ныряла под джинсы. Ему нравилось чувствовать тонкие влажные пальчики, которые обхватывали пенис, прижимали головку к лобку, натирая её сверху. Но в последнее время он начал избегать любых прелюдий. Слишком остро они напоминали ему о невозможности полноценного соития.

— Как хочешь, — вяло ответил он. *** Марина надела белые трусики и бюстгальтер, тёмные чулки, чёрные туфли на высокой шпильке — всё, что так нравилось сыну в её интимном гардеробе. Субботним вечером, свободным от хлопот, она осуществила задуманное.

Приняв таблетку виагры, Женя почувствовал прилив тепла внизу живота и лёгкое головокружение, как-будто он сидит на карусели в парке отдыха и начинает разгоняться. В

этом мало приятного. Мама тем временем ласкала сына поцелуями в шею, поглаживала грудь и живот сквозь майку.

— Ну как? Что-нибудь чувствуешь? — она пыталась завуалировать нервное возбуждение формальными улыбками. Марина сидела перед ним при полном параде, всем своим видом указывая на желание заняться сексом. Как бы он хотел не облажаться в этот раз.

— Да, — он действительно ощутил столбик в штанах. Расстегнув джинсы и стянув их вместе с трусами, Марина с удовольствием констатировала, что маленький петушок готов к работе. Для усиления эффекта она натянула эрекционное кольцо из латекса на пенис и пустую мошонку. Теперь Женя выглядел более, чем грозно. Его мальчик весело торчал, как флажок, возвещая о готовности.

— Ложись на меня! — шепнула мама, стягивая трусики и бюстгальтер.

Раскинув бёдра в стороны, она открылась для погружения. Женя впервые ощутил неминуемость реального проикновения, и всё тело его задрожало, озноб возбуждения прокатился по позвоночнику до кончиков пальцев на руках и ногах.

Он завис над ней, по-мужски найдя упор в прямых руках. Теперь она наконец станет его женщиной! Тётя Мария сообщила, что принимает противозачаточные таблетки, а значит, можно прочувствовать её не только в поцелуе.

Упругая головка пениса втыкается в горячие губы влагалища, слегка приоткрытые, горячие, скользкие. Женя надавливает и входит в маму, член погружается на всю длину в нежное сочное лоно. Женщина под ним удовлетворённо вздыхает, обхватывает его ножками в чулочках и туфельках. Шпильки вонзаются в ягодицы, тётя Мария выворачивает губы, её карие глаза ярко вспыхивают. Эта красотка — его мама — сжимает груди руками, сводит сферы вместе, выдавливая соски пупырышками.

— Поласкай меня, — просит Марина.

Соски радостно отзываются зудящими волнами удовольствия. Нежные посасывания сына раскрывают Марину до конца. Она плавится от желания кончить вместе с ним. Её маленький герой впервые почувствовал себя мужчиной, как страстно горит его взгляд, сколько в нём любви, нежности.

Женя дёргается и застывает. Его глаза наполняются сомнением, переходящим в виноватоватость.

— Всё хорошо, малыш, всё очень хорошо, мне так понравилось, — Марина бросается спасать положение. Гладит сына по щекам, удерживая ногами. Но он уже потерял твёрдость, выскальзывает из неё. В его глазах непонимание сменяется привычным обидчивым безразличием.

— Отпусти, — раздражённо просит он, почти приказывает ей. Марина размыкает щиколотки.

— Всё ведь хорошо получилось, — настаивает Марина. Но в её голосе предательски сквозит вопросительная интонация.

Он не слушает, натягивает штаны, майку, пошатываясь, уходит с поникшей головой. Она должна последовать за ним, утешить, но она лежит без сил, желая умереть. Она устала сражаться с ветряными мельницами, Женя никогда не станет полноценным мужчиной, он может использовать руки, язык, искуственный член, но всё это лишь усугубит его осадное положение, углубит её вину перед ним. Ведь это она виновата в его инвалидности, она неудержала его тогда на заборе, она зазевалась и дёрнула палку в сторону, она врала ему все эти годы, чтобы сохранить свою честь, она прикрывалась желанием уберечь сына от

психологической травмы. Всё это фарс, всё это время она думала о себе, о своей шкуре — грязной, лживой тушке, уже воняющей одиночеством.

Накрыв лицо подушкой, Марина беззвучно зарыдала. Со стороны могло показаться, что обворожительное женское тело содрагается в конвульсиях, женщина в чулках и туфельках пытается задушить себя подушкой, её растрёпанные волосы сбились в кучу, её заляпанные слюной соски подсохли и опали, выбритое влагалище с тонкой полоской волос на лобке, ещё недавно искрившееся возбуждением, закрылось как увядший цветок. Бутон страсти поник, втянув в себя лепестки половых губ. Марина сражалась с желанием покончить со всем прямо сейчас. Для этого достаточно наглотаться таблеток или открыть окно.

«Надо бы одеться, чтобы выглядеть прилично, когда меня найдут, — думала она. — Бедный Женя, мальчико мой, будет жить с двоюродной сестрой. Они уж о нём позаботяться».

Мысли о сыне, о его судьбе без мамы вернули Марину в чувство. Она начала соображать за двоих, перемалывать обстоятельства, загнавшие её в безвыходное положение. «Идиотка! О чём ты только думаешь? Опять о себе? Эгоистка. Да пускай он меня проклянёт. Я приползу к нему на коленях просить прощения. Прямо сейчас пойду и расскажу ему всё!»

Она резко поднялась, накинула халат, выпрямила спину, проверила в зеркале свой плачевный зарёванный вид и отправилась в комнату сына на переговоры. ***

Женя сидел за компьютером, как всегда в такие моменты отчаяния. Он копался в шансах на светлое будущее и не находил ровным счётом никакой зацепки. Даже родная мать не станет с ним возиться до старости. Или станет? Ещё хуже, если станет.

Дверь потихоньку открылась, и мама вошла в фиолетовом шёлковом кимоно, подаренном ей когда-то любовником. Она наверняка заслужила дорогие подарки, и эту квартиру, и деньги, которые неиссякаемой рекой льются в их маленькую семью из двух человек. Потому что она трахается с ним, доставляет удовольствие другому мужчине. Однажды он видел этого кабана, бородатого бармалея, которому мало одной женщины.

— Женя, я хочу с тобой поговорить, — начала Марина. Её голос неестественно дрожал, она села на краешек дивана, сложила ручки, поджав под себя коленки. Всё в её напряжённом виде говорило о желании сообщить что-то крайне важное. Женя, нахмурившись, повернулся. Как воспринимать её сейчас: как маму или тётю Марину? Похоже, она сама запуталась.

— О чём? — мрачно спросил он.

Она вздохнула и болезненно помолчала, отвернувшись к окну. Вдруг она глупо улыбнулась, светлая улыбка озарила зарёванное лицо тёти Марии — знакомая коварная улыбка, игривая и вечно обезоруживающая, блеснула на губах.

— А вот о чём! — тётя Мария выпрямила спину, как будто собралась выступить с докладом, стоя за кафедрой в университете. — Недавно я искала информацию о том, что можно сделать, если у мужчины слабая эрекция, и наткнулась на одну интересную статью, — Марина изучала лицо сына пытливым взглядом. — Врач-психотерапевт писал, что мужчина, страдающий импотенцией, очень часто чувствуют себя успешно, становясь девушкой.

— Девушкой? — Женя ухмыльнулся, не веря ушам. Недоверчиво повёл плечами, заглядывая в компьютер.

Марина продолжала улыбаться сыну лучезарной улыбкой:

— Я просто хочу, чтобы ты почувствовал себя комфортно. Может, попробуешь походить дома в женской одежде. Если тебе понравится, можем поговорить об этом.

«Поговорить об этом!» — Женя изумлённо таращился на маму, которая даже здесь ввернула

словечко из лексикона психолога.
— А что потом? — неуверенно спросил он.
— А потом, если захочешь, можно начать принимать гормоны и сделать операцию в конечном счёте, — мама и не думала шутить. Она серьёзно смотрела в глаза сыну, ловя каждый жест и взгляд.
Он сидел, огорошенный необычной перспективой. Ковырял заусенец на большом пальце, напряжённо разглядывал ярко красный кусочек оголённого мяса.
— Я подумаю, — буркнул он.
— Подумай, — весело откликнулась мама и вышла из комнаты. ***
Стать девушкой... Такая перспектива в голове не укладывалась. И потом, что значит «стать»? Можно подумать, человек сам решает, кем становиться — девушкой или парнем. Женя полез в интернет и почти сразу наткнулся на фотографии транссексуалок. Увиденное поразило его. Девушки внешне ничем не отличались от настоящих, пользовались спросом у мужчин, вели себя раскованно, открыто общались с поклонниками в видео блогах. Среди них несомненно встречались переодетые парни, но большинство тех, кто выбрал гормонотерапию, преобразились в прекрасных дам.
«Может, попробовать?» — мелькнула шальная мысль. Женя ухмыльнулся, представив себя в бирюзовом платьице.
Было ещё что-то, пугающее его неизвестностью. Секс. Заниматься этим в попу казалось странным, ненормальным. С другой стороны, женщины тоже занимаются анальным сексом. На видео-роликах трансы гармонично мешались с обычными девушками, в сексе выглядели не хуже, а порою даже и лучше.
Женя испытывал неприязнь к геям, не смотря на все заверения и аргументацию. Смена пола и секс в попу вызывали в нём смешанное чувство отвращения и страха.
«Как только маме пришло такое в голову?» — возмущался он в такие моменты.
Но её поддержка, инициатива грели душу.
«Она ведь всего лишь предложила походить в женской одежде?» — он ухмыльнулся в который раз.
От таких идей голова шла кругом, а попа уже опасливо сжималась.
«Можно ведь и не заниматься анальным сексом до операции», — утешал он себя.
Операция вообще казалась ему немыслимым извращением. Отрезать член, какой ни есть, и сделать из кожи имитацию влагалища, но сначала вшить силиконовые импланты в груди, — такие преобразования были выше его понимания.
Оставшись дома один, Женя разделся и подошёл к большому зеркалу.Он дрессировал её. Сначала подавлял морально, а потом и физически. Он не стеснялся заниматься с ней психоанализом. Марина согласилась играть по правилам, потому что чувствовала, что иначе потеряет Михаила, а с ним и квартиру. В этой игре в её обязанности входило не соглашаться с Михаилом, спорить с ним, как в первый раз. Таким образом она разжигала в нём ярость, переходящую в страсть. Он трахал её, отрываясь за все неудачи в бизнесе. Она доказывала ему, что деньги не главное, что убытки — это статья со знаком «плюс», потому что на ошибках учатся, наконец, что подчинённые имеют право на голос и право на ошибку. Он затыкал ей рот членом, ухмыляясь, сообщал: — Подчинённый должен заткнуться и делать свою работу молча, — Михаил водил при этом членом во рту, придерживая голову Марины сзади, чтобы психолог слегка давилась. — Иначе, каждый будет думать, что имеет право голоса и может не

работать.
Марина работала ртом быстрее, понимая, что так она молча выражает согласие с Михаилом. Или протест. Делая минет, она мычала что-то сладкое, как-будто по-прежнему несогласна. Тогда Михаил брал её двумя руками за голову и агрессивно трахал в рот.
— Возражения? Я готов рассмотреть все ваши возражения в устной форме.
Марина понимала, что от неё требуется. Она мычала громче, активнее «возражала», требовала к себе внимания начальника, который наказывал её за провинность. Он кончал, так и не добравшись до других интимных частей красотки — просто затрахивал её в рот раз за разом, заставляя её, как ему казалось, как минимум заткнуться до следующего раза. Дома всё было не так: покладистая жена, как талая вода, текла, куда укажет палец, покорно сдавала позиции, придерживаясь линии невмешательства в дела мужа.
Михаил отвлекался от Марины на молоденьких дурочек, но неизменно возвращался к шоколадным глазам с горящим укором. Непослушность женщины с богатой фигурой приводила его в исступление, ярость, и он возвращался, чтобы наказать её.
Они встречались на съёмной квартире, но с некоторых пор Михаил завёл себе юную любовницу, студентку, приехавшую в столицу учиться, и любовное гнёздышко до поры до времени оказалось занято. Михаил изъявил желание встречаться у Марины.
Женя хмурым взглядом встретил бородатого мужика в дорогом костюме. «Дядя Миша», как его ласково называла мама, был похож на бандита, бармолея с рожей уголовника. Пахан Миша по-барски уселся на кухне за стол — любимое место Жени, — разложил локти, развалил ноги и, судя по всему, яйца. Масляным самовлюблённым взглядом следил он за маминой попой, которую собирался хорошенько отодрать в ближайшие час-два.
— В кино сходить не хочешь? — тихо спросила мама у Жени. Она боялась, что он откажет, и ей придётся выворачиваться другими путями. Женя почувствовал её страх, стеснённое положение. Кисло улыбнулся в ответ.
— Конечно, — он кивнул, подтвердив согласие играть по правилам взрослых.
Михаил как-будто не замечал их, он имел привычку пялиться в телефон, даже когда обедал.
В этот раз он оценил презрительным взглядом стеснительного мальчика-волчонка, который всё время молчал в его присутствии. Михаил потянулся к портмоне, извлёк купюру в пятьдесят евро и кинул пасынку через стол:
— На вот тебе на мороженое, — Михаил самодовольно хохотнул, встретившись с умоляющим взглядом Марины. — Что? — он сразу сменился в лице, приняв её взгляд за вызов.

* фотография носит ознакомительный характер
Она покорно опустила глаза в тарелку, не замечая, как затягивает нижнюю губу, начинает её надкусывать. Ей всего лишь хотелось, чтобы Михаил был вежлив с Женей. Пускай он издевается над ней, она всё стерпит, такова её роль в неравной связи, но её сын не при чём, он заслуживает лучшего к себе отношения. Она с благодарностью взглянула на Женю, понимая, как ему не хочется идти в кино под дождём, сидеть там в одиночестве, потом шляться по городу до полуночи, пока она не позвонит ему, чтобы сообщить, что всё закончилось. Её благополучно оттрахали, она отработала свою смену, теперь он может возвращаться домой. Её сердце ныло, она слушала, как Женя обувается в прихожей, как он молча выходит, выражая протест громким хлопанием двери. Теперь она оставалась одна, наедине со зверем, которого, как тигра, нужно постоянно дрессировать, дразнить, подсовывая ему свежее мясо,

следить за тем, чтобы он не сорвался с тумбы и не растерзал её в клочья.
— Как дела на работе? — Марина включилась в милую беседу.
— Хотел с тобой посоветоваться, — Михаил отложил телефон, ухмыляясь взял мамочку за руку. Целуя её пальцы, он думал о том, как лучше расправиться с психологом. — Как ты думаешь, если секретарша встречается с любовником во время работы, это нормально?
— Если это не мешает ей...
— Мешает, — оборвал Михаил. — Она вообще ни о чём другом, кроме секса, думать не может.
— Тогда, я думаю, нужно поговорить с ней, объяснить, что личные дела...
— Объяснял уже. Она отсасывает у него в туалете по пять раз в день. А потом врёт, что ходила писать.
— Ну нельзя же так строго, — Марина улыбнулась. — Может, человек действительно хочет писать.
— Ага, каждые два часа!
— Тем более. Значит, она застудилась.
— Мне она то же самое втирает. Так что я решил, что пора с этим завязывать. Купил для неё намордник с замком. Вот, посмотри, — Михаил извлёк из портфеля, стоявшего рядом с холодильником, связку кожаных ремней с чёрным шаром. — Теперь она точно не сможет сосать во время работы.
— Но есть ведь и другие способы удовлетворить мужчину, — Марина с сожалением смотрела на Михаила, понимая, что тот не шутит.
— Верно, но мужчина по-другому не захочет, — Михаил хитро прищурился.
«Почему?» — только хотела спросить Марина, и тут же очевидный ответ обжог её честолюбие.
— Хорошо, что я не такой, — Михаил продолжал с издёвкой исследовать предел обидчивости Марины.
— Думаешь, мне не всё равно, кого ты там трахаешь на работе? — глаза Марины наполнились презрением, губы напряглись.
— Думаешь, я трахаюсь на работе? — Михаил давил острым наглым взглядом.
— Думаю, ты трахаешь всё, что в юбке и движется, — глаза Марины метали искры. Она закатывала Михаилу сцену, на которую не имела права, но жена Михаила никогда не ревновала, а ему хотелось трахать ревнивую бабу, а не бревно. Он сам признавался.
— Думаю, тебе пора заткнуться и надеть намордник, чтобы не болтать всякую чушь.
— Я буду говорить то, что посчитаю нужным, потому что ты мне не указ. А вот тебе следовало бы научиться разговаривать с женщинами, а не только принуждать их к сексу. Если бы ты установил нормальные отношения со своей секретаршей, то она бы не стала тебя обманывать. Что ты делаешь? — Марина сделала вид, что сопротивляется.
Михаил силой накинул ей намордник, закрепив шар во рту. Она продолжила мычать, а он, довольно улыбаясь, щупал ремни, проверял замок на затылке. Марина пыталась расцепить его, бросала гневные взгляды на Михаила, как бы говоря: «Немедленно снимай, я не собираюсь играть с тобой в эти игры».
— Вот такая ты мне больше нравишься. Так что ты там говорила про меня? — Михаил потрепал психолога в наморднике по щеке.
Она замычала в ответ: «Пошёл на хуй!»
Такие слова заводили его. Марина никогда не материлась, только с членом во рту она

ругалась на чём свет. Теперь он хотел попробовать что-то новенькое. Схватил её за ремешок намордника и потащил за собой в спальню.
— Куда ты меня послала? — теперь он тоже включился в игру.
«На хуй!» — промычала она.
— Сейчас сама туда пойдёшь! — он сорвал с неё платье, опрокинул на кровать. Быстро скинул с себя одежду. Строптивая женщина в чёрных чулочках с пояском, стрингах, бюстике продолжала ругаться, как сапожник, гневно сверкая карими очами:
«Козёл! — мычала она.— Что б ты сдох! — ей самой доставляло удовольствие ненавидеть его открыто, пускай и через кляп. — Ирод, как я тебя ненавижу! Мразь! Иди к чёрту, сволочь!»
Михаил стоял перед ней с черенком лопаты, направленным вверх, залитым стальной эрекцией. Ему хотелось изнасиловать наглую бабу, возмущение которой порою забавляло.
— Так куда ты там меня послала?
«На хуй! На хуй! Пошёл на хуй, блядь! Дебил! Пидорас! Гандон!»
— Я — пидорас? — он упал на неё, повалив на спину, и вогнал член до конца. — Я тебе покажу, кто пидорас!
«Иди к чёрту! Блядь, как приятно! Сука, нахуй, выеби меня, блядь, я — блядь!» — Марина забила острыми шпильками по активно работающей попе, ногтями заскребла по спине, отбиваясь от нападения.
— Да, ты — блядь! — Михаил остервенело трахал матерящуюся мамочку. Конечно, он понимал, что она подыгрывает, но понимал также, что она выражает свои истинные мысли, которые не может сказать при другом случае. Это возбуждало его. Он занимался психоанализом, высвобождая отрицательную энергию, скопившуюся в ревнивой женщине. У них был уговор, что она имеет право ненавидеть его. Он не возражал, наоборот, испытывал странный кайф.
«Психо-анализ!» — он грубо засмеялся, перевернул Марину на живот, смазал анус лубрикантом и медленно вогнал черенок лопаты в роскошную задницу. Яйца опустились на разбитое грубым сексом влагалище.

— А-а-а! — заорала Марина от боли. Её лицо исказилось.
«Блядь! — загудела она в шар. — Блядь, блядь, блядь!»
— Я знаю, кто ты, — он влетал в неё с каждым «блядь», и её мычание становилось плаксивым.
Марина уже не сомневалась, что Михаил кончит ей в попу. Теперь её задача сводилась к тому, чтобы подыграть, изобразить одновременный оргазм от анала, выругаться особенно жёстко в момент достижения пика.
Она уже даже приготовила интересную фразу, как вдруг её блуждающий потёкший взгляд встретился с глазами Жени.
Сын лежал в темноте под кроватью, забившись к самой стенке. Его смутное отражение в зеркале шкафа застыло в немом ужасе подглядывающего за мамой.
«Пиздец!» — вырвалось у Марины.
— Что ты сказала? — подхватил Михаил, он буквально рычал на неё, вгоняя бивень в зад.
«Это пиздец! Блядь, просто пиздец!» — мычала она, глядя Жене в глаза, моля его о прощении. Сын, конечно, понимал незатейливые мычания. Его глаза были широко открыты от ужаса. Мама материлась, орала от боли. Её вновь поставили раком, попа открылась

зеркалу. Теперь сын отлично видел, с какой невероятной скоростью влетает кол в её расщеплённую пополам задницу. Розовая провисшая мошонка размером с кулак скользила вслед, яйца перекатывались, шлёпались об влагалище. Всё это Марина Дмитриевна нутром ощущала сзади. И взгляд сына, полирующий её в самом неподходящем месте, и яйца Михаила, припечатывающие нерасторопную мамашу клеймом позора, и взбитый горячий лубрикант, струйкой скользящий по бёдрам.

«Блядь, нахуй! Блядь! Выяби меня наконец! — гудела она в истерике. — Это пиздец, просто пиздец...»

Её вновь перевернули и скинули головой с кровати. С запрокинутым назад лицом она почти касалась лбом коврового покрытия, её перевёрнутый взгляд вновь встретился с Жениными испуганными глазами в зеркале. И пока сверху Михаил переключился на влагалище, попеременно всаживая член, то в анус, то в хлюпающую дырку, внизу она общалась с сыном, успокаивала его робкими улыбками:

«Пиздец! Прости меня! Блядь, я — блядь!»

Она готова была взвыть от горя, но неожиданно накативший оргазм, вырвал её из клетки, зрачки улетели вниз, оголив глазные яблоки. Марина билась в болезненном помешательстве, кончала под дикими ударами кинжала, разрывающего изнутри.

Михаил сорвал презерватив, спустился к краю кровати и густыми струями кончал ей на лицо, на чёрный шар, губы. Сперма стекала по шее, подбородку, щекам. Марина покрылась густым слоем семени.

«Я — блядь, блядь. Я — блядь!» — мычала она, как заведённая, выглядывая из-под сгустков спермы, понимая, что лучше поддерживать с сыном контакт сейчас и объяснить произошедшее потом, чем показывать, что ей стыдно.

Женя, судя по выражению глаз, испытывал отвращение и страх.

«Ну ты ведь сам хотел», — уже шептала Марина. Михаил размазывал сперму по её лицу, равномерно укладывая маску.

«Что уж теперь, смотри, какая у тебя мама блядь. Взрослые и не таким занимаются», — всё это она постарается объяснить ему позже, а пока она жуёт чёрный шар, обтекает спермой, наблюдает за реакцией сына, решая, как оправдать своё поведение в его глазах.